

Наталья Королева

Сердце вои

Наталия Королева

Сердце война

«Автор»

2026

Королева Н.

Сердце воина / Н. Королева — «Автор», 2026

Он вошёл в историю как один из самых стойких и харизматичных лидеров коренных американцев. Его жизнь — это сопротивление и борьбы за свободу своего народа в эпоху, когда политика Соединённых Штатов безжалостно вытесняла индейцев с исконных земель.

© Королева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Наталья Королева

Сердце война

Глава

Глава 1.

Солнце ещё не успело подняться над зубчатым краем Чёрных Холмов, когда лагерь хунк-папа - лакота начал пробуждаться. Ноябрьский мороз уже тронул траву серебром, и над коническими верхушками типи поднимались тонкие струйки дыма. Воздух был морозен — дыхание вырывалось белыми облачками, а иней хрустел под ногами первых вставших.

Вдоль рядов типи слышались приглушённые голоса, скрип кожи, звяканье металлических предметов — привезённых от торговцев ножей и котлов. Мужчины проверяли оружие, осматривали луки и стрелы, поправляли кожаные колчаны. Женщины разжигали очаги внутри типи, стряхивали иней с покрышек жилищ и собирали дрова — иву и можжевельник, дающие ароматный дым. Дети, укутанные в шкуры, с любопытством выглядывали из — под пологов, вдыхая запахи готовящейся пищи.

В типи Сидящего Быка было уютно. Густой аромат выделанных оленьих шкур, пропитанных дымом ивы, сладковатый запах пемикана — смеси сушёного мяса бизона, жира и кислых ягод, которую мать Четырёх Рогов, почтенная женщина по имени Перепрыгивающая, готовила в дорогу сыну. Она неторопливо растирала ягоды можжевельника в деревянной ступке, добавляя их в комок пемикана, чтобы сохранить продукт дольше. Рядом на кожаных полосах вялились тонкие ломтики бизоньего мяса — запас для предстоящего перехода.

Мальчик сидел на ложе из мехов, наблюдая за матерью. Она ловко перемешивала угли длинной палкой.

— Ешь, — сказала она, подавая ему деревянную миску. — Твой отец говорит, что сегодня великий день. Великий Маниту послал стадо к Ручью Сладкой Воды. Если ты вернешься с пустыми руками, собаки лагеря будут смеяться над тобой громче, чем женщины.

— Мои стрелы остры, мать, — ответил Четыре Рога, проверяя тетиву из жил. — Я вчера два часа точил кремень о речной камень.

— Острота стрелы — это лишь половина дела, — мягко возразила она. — Вторая половина — это тишина в твоём сердце. Если твоё сердце стучит громче, чем копыта зверя, он услышит тебя за милю.

Она протянула ему кожаный мешочек, расшитый синим бисером.

— Здесь сушёный шалфей. Разотри его в ладонях и смажь плечи, чтобы скрыть запах человека. Помни: в прерии ты не один.

Выйдя из типи, Четыре Рога окунулся в мир, который ещё не знал звука металла, бьющегося о металл. Единственным «железом» здесь были редкие ножи, выменянные у далёких племён, но истинный воин полагался на кость и камень.

Утренний холод покалывал лицо, а под мокасинами хрустел иней. Четыре Рога глубоко вдохнул — воздух был пронизан запахами дыма, лошадиного пота и травами. Он оглядел лагерь: женщины уже вовсю хлопотали у очагов, мужчины проверяли снаряжение, дети гоняли собак вдоль рядов типи.

На поясе у Четырёх Рогов висел нож с кремнёвым лезвием — надёжный, хоть и не такой острый, как железные. Рядом — костяной шило — проколка и мешочек с кресалом, кремнём и трутом из высушенного гриба. За спиной — лук из вяза, упругий и крепкий, а за плечом — колчан со стрелами. Древки были из ясеня, наконечники — обсидиановые, отполированные

до зеркального блеска. Каждый наконечник он выточил сам, часами сидя у очага и работая кремнёвым резцом.

Неподалёку два юноши отрабатывали метание томагавков — не железных, а каменных, насаженных на прочные дубовые рукоятки. Они бросали их в мишень — старый щит из бизоньей кожи, растянутый на раме из ветвей. Чуть дальше старик учил мальчишек обращаться с атлатлем — древней копьеметалкой, усиливающей бросок. Копья с костяными наконечниками со свистом рассекали воздух и втыкались в землю.

Прерия дышала. Мальчик двигался по дну этой травяной реки, согнувшись почти вдвое. Куперовская школа следопыта требовала внимания к каждой мелочи: вот здесь трава примята против ветра — значит, здесь прошёл койот; а вот здесь стебель надломлен совсем недавно, сок ещё не успел потемнеть.

Он замер, опустившись на одно колено, и провёл пальцами по земле. Чуть заметные отпечатки — округлые, с чёткими краями. Кролик. Совсем свежий след, не старше четверти часа. Мальчик улыбнулся: удача на его стороне. Он знал, что в это время года кролики часто прячутся у зарослей полыни — там, где ветер слабее, а земля чуть теплее.

Взгляд скользнул дальше. В нескольких шагах от него на стебле золотарника сидела стрекоза — её прозрачные крылья отливали синевой в утреннем свете. Но не она привлекла внимание мальчика. Рядом, на влажной почве у маленького родника, виднелись более крупные отпечатки. Копыта. Не бизон — слишком малы, и шаг короче. Антилопа — вилорог? Или, может, молодая лань?

Он осторожно обошёл следы по широкой дуге, стараясь не затоптать улики. Каждый отпечаток рассказывал свою историю: вот здесь животное остановилось, чтобы попить; вот тут оно резко повернуло, услышав что — то в траве. Направление — на северо — восток, к гряде невысоких холмов, где росли редкие дубы и можжевельник.

Мальчик достал из кожаного мешочка щепотку растертой коры красной ивы и бросил на землю рядом со следами. Лёгкий запах отпугнёт мелких грызунов, которые могли бы нарушить картину. Затем он выпрямился, но остался в полуприседе — так легче двигаться бесшумно. Взгляд скользил по траве, выискивая другие знаки.

Спустя три часа томительного пути он увидел его. Огромный бизон, старый «патриарх» степей, стоял в одиночестве. Его шерсть на загривке была похожа на спутанный войлок, а рога, выщербленные в сотнях поединков, грозно загибались вверх.

Четыре Рога замер. Ветер дул ему прямо в лицо — это было добрым знаком. Он начал подползать, используя ложбину, вымытую весенними ливнями. Каждый его шаг был рассчитан: он не наступал на сухие ветки, он не задевал высокую полынь.

Зритель, искушенный в делах цивилизации, счел бы это положение самоубийственным: ребенок против тонны яростных мускулов. Но мальчик знал анатомию зверя не хуже, чем устройство своего лука. Он знал, что зрение бизона слабо, и если оставаться неподвижным, как камень, зверь примет тебя за часть ландшафта.

Расстояние сократилось до двадцати шагов. Четыре Рога чувствовал запах зверя — тяжёлый, мускусный, пахнувший переваренной травой и старой шерстью. Сердце мальчика, вопреки наставлениям матери, пустилось вскачь, но рука оставалась твердой.

Он медленно поднял лук. Тетива натянулась с едва слышным скрипом. В этот момент бизон поднял голову, словно почуяв неладное. Его влажные ноздри затрепетали.

Свист!

Стрела, пущенная с ювелирной точностью, вошла под левую лопатку, в то самое место, где кожа была тоньше, а путь к жизни зверя — короче.

Бизон взревел. Это был звук, от которого содрогнулись бы стены любого европейского дома. Он не упал. Напротив, ярость придала ему сил. Зверь развернулся, роя землю копытами, и его налитые кровью глаза встретились с глазами мальчика.

Четыре Рога вскочил. По правилам племени, он не мог убежать. Охота на бизона — это не убийство, это честный поединок. Зверь бросился вперед. Земля загудела, как огромный барабан. Мальчик выждал до последней секунды — когда горячее дыхание бизона уже коснулось его лица — и отпрянул в сторону, нанося второй удар коротким копьем в бок.

Великан прерии по инерции пробежал еще несколько ярдов, споткнулся и рухнул на колени. Его голова бессильно опустилась в пыль, а из ноздрей толчками пошла густая, алая кровь, окрашивая золотую траву в цвет заката.

Мальчик стоял над добычей, тяжело дыша. Он еще не успел достать нож, чтобы поблагодарить духа зверя, как его слух — обостренный до предела — уловил чужой звук. Это не был шум ветра или топот бизонов.

Это был сухой щелчок взводимого курка или удар кремня о кремень.

Четыре Рога мгновенно упал за тушу убитого бизона. Через секунду над его головой просвистела стрела, вонзившаяся в бок мертвого животного. Из-за холма, на котором только что играло солнце, показались три всадника. Их лица были выкрашены в черный цвет, а перья в волосах стояли дыбом.

— Кроу! — прошептал мальчик.

Враги были здесь. Они не охотились — они искали славы и скальпов. Первая охота Четырех Рогов закончилась, и началась его первая война.

Всадники Кроу не спешили. Для них одинокий подросток у туши бизона был легкой добычей, но правила войны в прерии диктовали осторожность: за любым холмом мог скрываться отряд лакота. Они разделились, пытаясь взять Четыре Рога в полукольцо.

Мальчик прижался спиной к теплому, еще подергивающемуся боку бизона. Запах свежей крови и мускуса теперь служил ему защитой — он маскировал его под собственное дыхание.

— Эй, щенок хункпапа! — крикнул на ломаном наречии один из всадников, гарцуя на пегом коне в ста ярдах. — Твой отец прислал тебя не за мясом, а за смертью! Выходи, и, может быть, мы оставим твой скальп твоей матери!

Четыре Рога молчал. Он знал, что слова — это лишь ветер. Он лихорадочно соображал. У него осталось три стрелы. Врагов трое, и они на конях. В открытом поле шансов нет. Но прерия — это не ровный стол, это лабиринт из оврагов и высокой травы.

«Они думают, что я зажат у туши, — рассуждал он, — значит, они будут ждать, пока я побегу».

Он медленно, стараясь не шевелить стебли травы, снял с шеи кожаный мешочек с шалфеем и привязал его к торчащему рогу бизона. Затем он осторожно начал отползать назад, в густую поросль дикого индиго, стараясь двигаться синхронно с порывами ветра, чтобы колебания травы казались естественными.

Один из Кроу, самый молодой и нетерпеливый, решил, что добыча слишком долго медлит. Он пришпорил коня и бросился к убитому бизону, выхватывая тяжелую палицу, усаженную острыми камнями.

Когда конь поравнялся с тушей, всадник занес руку для удара, ожидая увидеть испуганного мальчика, притаившегося за зверем. Но там никого не было.

В этот миг из высокой травы, всего в десяти шагах слева, взвилась стрела. Она не была пущена в воина — Четыре Рога был слишком расчетлив для этого. Наконечник вонзился в шею коня. Животное взвилось на дыбы, и рухнуло, придавив ногу седока.

— Один! — прошептал мальчик, уже меняя позицию.

Оставшиеся двое врагов взревели от ярости. Теперь это не было забавой. Они открыли беспорядочную стрельбу из луков, осыпая стрелами то место, где только что качнулась трава. Но Четырех Рогов там уже не было. Он скользил по земле, как степная гадюка, используя каждый дюйм пространства.

Пока враги пытались высвободить своего товарища из-под павшего коня, Четыре Рога достиг края глубокого оврага. Отсюда до лагеря лакота было еще далеко, но здесь начиналась территория, которую он знал как свои пять пальцев.

Его сердце колотилось, пот заливал глаза, смешиваясь с пылью. В голове всплыл образ отца. Сидящий Бык часто говорил ему:

«Воин — это не тот, кто убивает больше всех. Воин — это тот, кто заставляет врага бояться собственной тени. Тень — самый верный союзник, она никогда не промахивается».

Мальчик понимал, что не сможет перебить всех троих. Его задачей было уйти и предупредить лагерь. Он резко свистнул — подражая крику лугового тетерева. Это был сигнал для патрулей лакота, которые могли быть поблизости.

Враги замерли. В прерии такой звук мог означать только одно: подкрепление близко. Опасаясь ловушки, Кроу поспешно втащили раненого товарища на одну из лошадей и, бросив прощальный взгляд на тушу бизона, скрылись за горизонтом, поднимая столбы пыли.

Солнце уже клонилось к закату, когда Четыре Рога, покрытый грязью и запекшейся кровью — и своей, и бизона — вошел в круг типи. Он не бежал. Он шел медленным, достойным шагом, как и подобает мужчине.

Женщины прервали свою работу, глядя на него. Старики у костров приподняли головы.

Сидящий Бык сидел на своем обычном месте, перед входом в палатку. Он чинил уздечку и даже не поднял взгляда, когда сын остановился перед ним.

— Я убил бизона, отец, — произнес мальчик. Голос его слегка дрожал от усталости. — И я встретил троих Кроу. Один конь остался в траве, а их войны ускакали с позором.

Отец медленно отложил работу. Его глаза, глубокие и мудрые, внимательно осмотрели сына — от поцарапанных колен до решительного блеска в глазах.

— Бизон — это еда, — негромко сказал Сидящий Бык. — Это плоть, которая завтра станет прахом. Но то, что ты не побегал от Кроу — это дух. Сегодня ты принес в лагерь не просто мясо. Ты принес достоинство нашего рода.

Мать подошла к нему, набросив на плечи теплую шкуру.

— Иди к огню, Четыре Рога, — сказала она, и в ее голосе мальчик услышал то, чего не было утром — признание равного. — Сегодня прерия приняла твою жертву.

Весь вечер в лагере только и разговоров было, что о юном охотнике. Но сам мальчик сидел в тени типи, слушая, как трещат дрова. Он смотрел на свои руки и понимал: мир изменился. Золото прерии всё еще сияло, но тень, которую он сегодня увидел, была лишь первой из многих.

Глава 2.

Победа юного охотника над бизоном и его хладнокровие перед лицом врагов-кроу не остались незамеченными. В лагере хункпапа-лакота весть разносилась быстрее, чем степной пожар. К полудню следующего дня перед типи Сидящего Быка уже собирались старейшины и воины. Воздух был напоен запахом праздника: на вертелах шипело сочное мясо, а в больших котлах томилась похлебка из корней и сушеной кукурузы.

Четыре Рога сидел внутри родительского жилища. Мать, Перепрыгивающая, готовила его к самому важному событию в жизни мальчика — обряду посвящения. Она расчесывала его длинные черные волосы костяным гребнем, смазывая их жиром для блеска.

— Сын мой, — тихо говорила она, и в ее голосе слышалось волнение, — сегодня ты оставишь детское имя в пыли прерии. Имя — это не просто звук, это дух, который будет вести твою стрелу и закрывать твое сердце от страха. Твой отец долго курил трубку этой ночью, взывая к Вакан-Танке, чтобы найти слово, достойное твоих поступков.

Мальчик смотрел на свои руки. Они всё еще хранили следы вчерашней битвы — мелкие порезы от жесткой травы и синяк от удара о землю. Он чувствовал, как внутри него растет тишина, та самая, о которой предупреждала мать. Это была тишина ожидания.

Когда тени от типи стали длинными и коснулись края леса, глашатай прокричал имя Сидящего Быка. Весь лагерь собрался в большой круг. В центре пылал священный костер, искры которого улетали в темнеющее небо, смешиваясь со звездами.

Сидящий Бык вышел вперед. На нем была парадная рубаша из шкуры горного барана, расшитая иглами дикобраза, а в руке он держал трубку мира, украшенную перьями орла. Его лицо, изборожденное морщинами, как кора старого дуба, казалось высеченным из камня в свете пламени.

— Братья! — голос отца был негромким, но достигал каждого уха. — Прерия богата травой, но она требует крови за право ходить по ней. Вчера этот мальчик принес нам мясо, чтобы наши дети не знали голода. Но важнее то, что он принес нам пример мужества. Он не побежал, когда смерть скакала на пегом коне.

Четыре Рога сделал шаг в круг. Тысячи глаз смотрели на него — глаза воинов, знавших сотни битв, и глаза женщин, видевших рождение и смерть.

— Отныне и до последнего вздоха, — провозгласил Сидящий Бык, возложив тяжелую ладонь на плечо сына, — ты не будешь зваться детским прозвищем. Твое имя — **Татанка Ийотаке**. Ты будешь носить мое имя, ибо ты доказал, что достоин его силы. Ты — Тот, Кто Сидит Неподвижно.

Толпа взорвалась приветственными криками. Барабаны из кожи бизона зазвучали в ритме бьющегося сердца земли. Начался великий пир. Мужчины сменяли друг друга, рассказывая о своих подвигах, а юный воин сидел на почетном месте, принимая лучшие куски мяса, как того требовал обычай.

Когда пир утих и лагерь погрузился в сонную негу, Сидящий Бык знаком подозвал сына. Они отошли к краю плато, где прерия открывалась во всей своей ночной величественности. Ветер приносил прохладу и шепот трав.

— Отец, — спросил юноша, — почему ты отдал мне свое имя? Что значит «стоять неподвижно», когда враг нападает?

Сидящий Бык долго молчал, глядя на далекие огни звезд. Он раскурил трубку, и аромат табака смешался с запахом ночного шалфея.

— Слушай внимательно, Татанка Ийотаке, — наконец произнес он. — Неподвижность — это не слабость камня, который не может сдвинуться. Это сила горы, которая выбирает не двигаться. Враг хочет, чтобы ты бежал, потому что бегущего легче убить. Он хочет, чтобы ты гневался, потому что гнев ослепляет.

Он повернулся к сыну, и его глаза сверкнули в лунном свете.

— Стоять неподвижно — значит быть центром мира, когда вокруг бушует буря. Когда ты охотился на бизона, ты ждал до последней секунды. Это и была неподвижность. Твой ум был ясен, а рука тверда. В жизни нашего народа наступают времена, когда всё вокруг придет в движение. Белые люди на востоке строят свои дома из камня и железа, они хотят сдвинуть нас с нашей земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.